

Тао Янь ответил: Сегодня же весенняя ярмарка. Я тут так привычно расслабился, что чуть не забыл про развитие сюжета, хотя нынешняя жизнь тоже неплоха, вот так валять дурака — это здорово.

— Сюжет? Какой еще сюжет?

Тао Янь мысленно презрительно фыркнул на Систему: Ты же Система, неужели тебе совсем неинтересно, куда катится этот мир?

— Разве я не отдала тебе всё, что могла просмотреть? Сам прочитал — и ладно, а моя обязанность — сидеть в сторонке и подбадривать тебя!

— Ладно, я и так догадывался, что на тебя нельзя положиться. Сюжет я примерно просмотрел: сегодня на весеннюю ярмарку придет и Ян Хуань, и, кажется, на него опять совершат покушение люди из Шофэна, но...

— Но что?

— Эх, ты ведь и впрямь ни строчки сюжета не читала. Но главный герой вообще-то собирался выйти в свет ради Главной героини, а вот объявится ли он на этот раз — неизвестно. Моя простуда почти прошла, если я перестану хоть немного нарываться на неприятности, мне снова придется спозаранку вставать на утренние доклады.

□.....□

— Сяо-Янь. — Лю Сиси увидела, что Тао Янь долго не двигается с места, и подошла, чтобы окликнуть его.

— А? — Мысли Тао Яня оборвались.

Лю Сиси долго вглядывалась в лицо Тао Яня, а затем перевела взгляд на зажатый в его руке мешочек-саше, и ее губы изогнулись в улыбке: — Нравится? Я куплю его тебе.

С этими словами Лю Сиси достала из-за пазухи серебро и прямо швырнула его на лоток, властно бросив: — Сдачи не надо.

Тао Янь посмотрел на зажатый в руке мешочек с вышитой парочкой уток-мандаринок в воде и не знал, смеяться или плакать — саше было ужасно некрасивым, утки на нем выглядели точь-в-точь как две лягушки.

Однако отказаться сейчас он никак не мог, поэтому ответил Лю Сиси сладкой улыбкой: — Спасибо, сестрица Лю.

Такое обращение друг к другу Лю Сиси потребовала установить в приказном порядке, заявив, что называть друг друга императором и принцессой на людях неуместно, куда лучше сойти за брата и сестру. Тао Янь же изобразил искреннее восхищение Лю Сиси и согласился, не раздумывая.

Тао Янь сразу заметил, что Лю Сиси хочет что-то сказать, но не решается, и услужливо поинтересовался: — Сестрица Лю, в чем дело? Что-то случилось?

В глазах Лю Сиси мелькнул хищный огонек, и она приняла вид человека, который вовсе не хочет ставить Тао Яня в неловкое положение: — Говорят, сегодня проходит весенняя ярмарка. Я редко бываю в Дасине и очень хочу взглянуть на здешние красоты, но... но я же обещала вернуть тебя до наступления темноты.

Услышав про весеннюю ярмарку, Тао Янь не удержался — в его глазах вспыхнуло любопытство, и он всем видом показал, как ему хочется пойти, но тут же с фальшивым вздохом произнес: — Весенняя ярмарка... Нельзя допустить, чтобы Императорский Дядя узнал, что я сбежал тайком. Он будет разочарован во мне.

— И с чего бы ему разочаровываться? — в голосе Лю Сиси проскользнуло раздражение.

Тао Янь снова изобразил восторженный вид: — Императорский Дядя такой потрясающий! Я тоже хочу стараться изо всех сил, чтобы он признал меня.

Лю Сиси решила ковать железо пока горячо и подтолкнула Тао Яня дальше: — Говорят, на весенней ярмарке устраивают состязание в эрудиции. Если бы ты смог войти в тройку лучших, разве это не стало бы прекрасным ответом для Ян Хуаня?

— Правда? — глаза Тао Яня засияли.

— Правда, — улыбнулась лисица.

— Тогда пошли!

.....

— Ваше Высочество, только что доложили разведчики: лазутчики из Шофэна смешались с толпой на сегодняшней весенней ярмарке и собираются учинить беспорядки в нашем Цзинду.

Какая-то темная фигура опустилась на колени перед Ян Хуанем и доложила обстановку.

Ян Хуань перебирал в пальцах нефритовую подвеску. Изготовленная из чистейшего молочно-белого нефрита, она казалась созданной самой природой, но сам Ян Хуань излучал властность,

напоминающую императорскую печать: он единолично повелевал небесами и землей, стоило ему повернуть ладонь — и собирались тучи, стоило перевернуть — начинался лиф.

Глядя на безупречно чистый нефрит в руке, Ян Хуань внезапно вспомнил человека, чей нрав удивительным образом напоминал этот камень. При мысли об этом уголки его губ сами собой приподнялись, а на привычно суровом лице смягчилось выражение.

— Я поеду сам. Я должен усмирить Поднебесную, чтобы в странецарили мир и покой, а затем отдать всё ему, — Ян Хуань крепко сжал подвеску. То ли он отдавал приказ подчиненному, то ли давал клятву самому себе.

— Подайте экипаж, я покидаю дворец, — приказал Ян Хуань.

— Слушаюсь.

Еще до наступления темноты карета выехала из императорского дворца и направилась напрямик к весенней ярмарке.

Ян Хуань сидел внутри, углубившись в чтение докладов. На первый взгляд сообщения казались ничем не связанными между собой, но Ян Хуань чувствовал здесь какой-то подвох: в последнее время люди из Шофэна вели себя крайне дерзко, а вчера они стянули к границе Дасина и Шофэна двадцатитысячное войско — вполне вероятно, они замыслили войну против Дасина.

Обе империи пережили смену династий всего несколько лет назад, вот только новый император Шофэна с момента восшествия на престол пользовался всеобщей любовью и поддержкой, в отличие от Дасина, раздираемого внутренними распрями двух сторон.

Вполне возможно, противники рассчитывали воспользоваться тем, что Дасин еще не до конца объединился, и нанести смертельный удар.

Именно поэтому Ян Хуань сегодня и отправился сюда лично — если в столице действительно орудовали лазутчики из Шофэна, возможно, удастся вывести что-нибудь полезное.

Клетка из золота для птички

Сегодня стояло пятнадцатое число, луна выдалась на редкость круглой и яркой. Высоко вися в ночном небе, она была окружена хороводом звезд, вызывая благоговение у простых смертных.

Однако взгляд Тао Яня был прикован к отражению луны в сточной канаве у дороги. Оно было точь-в-точь как луна на небе, но прохожие не обращали на него никакого внимания, беззастенчиво наступали сапогами, поднимая брызги, и в каждой капле воды отражалась своя собственная луна. Даже будучи ничтожным и презренным, это отражение все равно страстно желало обладать самым священным на свете. И что же сказать о таком человеке — назвать ли

его ненасытным алчным глупцом или пожалеть от всего сердца?

С наступлением ночи весенняя ярмарка ожила, и безмолвная тьма была разорвана радостными криками и смехом людей.

Даже если на душе было тяжело, эта всеобщая суэта и праздничная атмосфера невольно привлекали, заставляя позабыть о тревогах.

Тао Янь шагнул в толпе следом за Лю Сиси, а на его лице красовалась маска, купленная только что на каком-то лотке.

Маска Лю Сиси была яркой, изящной расцветки и прекрасно подчеркивала ее собственный нрав.

Тао Янь же подошел к выбору проще: на нем была звериная маска, причем весьма необычная — в виде свиной мордочки. Свинка на маске была нарисована уморительно милой, с человеческим выражением мордашки. Такие маски обычно покупали детям, и Лю Сиси никак не ожидала, что Тао Янь выберет именно эту.

Весенняя ярмарка вовсе не была маскарадом, просто некоторые надевали маски ради забавы. Тао Янь провел всю жизнь в глубине дворца, и никто в лицо не знал, как выглядит император, но Лю Сиси все равно опасалась людей с дурными замыслами, и ради безопасности Тао Яня они оба надели маски.

Тао Янь же сделал это исключительно ради веселья, к тому же он все еще зарабатывал очки расположения Лю Сиси, поэтому охотно потакал ее прихотям.

Пройдя еще пару улиц, они заметили, что лотков с игрушками поубавилось, зато появилось множество уличных артистов, показывающих акробатические трюки. Под звуки гонгов и труб толпа теснилась вокруг площадки, где давали представление с танцем львов.

<http://bllate.org/book/26041/3117978>